

в разных формах 26 раз, «Половецкий» — 18 раз, «Киевский» — 3 раза и т. д. Во всех 60 случаях издатель вносит лишь именные формы и печатает: «Святослав... грозный Киевск», «земле Русьскы», «по Русьске земли», «с Чьрниговскы былями», «Галичьск Осмомысле», «костьми Русьск сынов», «горам Кыевскам» и т. п. Единственным его доводом является форма «държа Русьску землю» в подлинной грамоте великого князя Мстислава I; мы можем прибавить еще «тиун бояреск» в древнейшем списке Русской Правды (1288 г.).¹⁷ Но наряду с этими формами мы встретим в той же грамоте «вено во[д]ское», а в том же списке Правды — «Правда Роуськая, тысячького Киевьского, морьскую лодью, войский конь, детьчьскому» и др., всего 13 местоименных форм против одной именной. Надо полагать, что этот список точно отражает язык времени Владимира Мономаха. Вообще замена именных форм местоименными есть древнейшее явление русского языка, и надпись на Николодворищенском антиминсе 1149 г. дает лишь формы «Новгородьского», «Ростовьского», уже с русской заменой формы -аго окончанием -ого, под воздействием форм указательных местоимений типа «того», «тому».¹⁸

Все это явления живого языка первой половины XII в. Как же можно предполагать, будто поэт конца XII в. отверг эти явления и вернулся к архаическим, именным формам, а что лишь позднейший переписчик во всех 60 случаях заменил их членными? Ведь мы видели, что он вовсе не заменял все полногласные формы болгарскими и не проявлял строго ригоризма.

Возьмем опять для сравнения язык летописи. На первых ее страницах мы часто встретим именные формы: «Руска земля» (852 г.), «землю Фрачьску и Македонску», «язык словенск», «землю Словенску» (898 г.) и т. п. Но эти формы чаще всего встречаются в «Сказании о писменех», которое, по исследованию Н. К. Никольского 1930 г., вставлено в летопись из церковного (быть может, западославянского) источника. Между тем в Повести временных лет с 1010 по 1110 г. (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) мы нашли 190 случаев членных форм и только 21 случай употребления нечленных форм прилагательных на -ский. Из этого 21 случая 11 ясно указывают на церковную, болгарскую традицию: «вера хретьянска», «кровь хретьянску» (2 раза), «погубление душа хретьянскы», «на хретьянске роде», «роду хретьянска», «мечтанье бесовско», «бесовску действу», «Хананейско племя», «цесарь Июдейск», «цесаря Асурийска».¹⁹ Еще показательнее данные XII в. В Ипатьевской летописи за сто следующих лет, с 1111 по 1210 г. мы найдем на 588 случаев членных форм только шесть именных, из них пять ясно объясняются церковным влиянием, именно: «не пролейта крови хретьянскы», «ни погубита Рускы земле», «бог всегода Рускы земле и Рускых сынов в бесчестьи не положил есть», «от Вавилонска нечаяния», «избави и господь за молитву хретьянску».²⁰ Особенно интересен последний пример: в нем говорится именно о князе Игоре (под 1185 г.). В одном лишь рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря мы нашли 22 прилагательных на -ский («Руские», «Половецкие», «на землю Рускую» и т. п.) в членной форме, совсем как в «Слове».

¹⁷ Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Изд. АН СССР, Л., 1930.

¹⁸ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 147.

¹⁹ Повесть временных лет. М., 1950, т. 1, стр. 102, 132, 148, 120, 128, 122, 131.

²⁰ Ипат. лет., стр. 297, 310, 478, 437; шестой случай «пасаше сыны боярскы» (стр. 270) объясняется оттенком неопределенности эпитета. Напротив, членные формы «руский», «половецкий» употребляются по общей норме, имея чисто атрибутивное значение (С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 57—58).